

Феномен Булата Шалвовича Окуджавы в моем истолковании, быть может, кому-то покажется спорным. Принимаю и полностью разделяю мнение: его поэтический дар — редчайший. И все же... по моему, не только в этом дело. Год назад начала вести запись — когда, где и почему слышу его стихи, песни, строчки, а также, говоря строгим лингвистическим языком, его выражения, ставшие уже идиоматическими и прочно вошедшими в наш, как сейчас любят выражаться, менталитет. Сначала

Из интервью:
— Что бы вы сказали о состоянии нашего общества?

Б. О. — Сейчас больше цинизма, чем в наше время. Мы были, пожалуй, романтиками...

Можно было бы тут же спросить: почему вопросы эти упорно обращены к этому поэту, а не к какому-то другому или прямо по адресу — социологу, политологу, другим людям, которые по своей профессиональной принадлежности способны и должны на них отвечать. Потому что времена социальных заказов художникам вроде бы прошли, как и спрос на них. Но не буду топиться со своим выводом.

Итак, масса интервью. С песнями еще лучше. Посидишь день то у телевизора, то у приемника — лучше слушать в этом плане «Эхо Москвы», пройдешь курс повторения любимых песен и строчек многократно. А уж там рубрики, ссылки на поэта, названные замечет из его строчек — тут уж как будто, кроме Булата Шалвовича, больше и поэтов нет. Елена Тришина, например, с «Эха Москвы» свои чудесные ра-

вила записи ревностно, потом поняла: занятие бесполезное. Интервью в газетах многочисленны: «Известия», «Комсомольская правда», «Вечерний клуб», «Вечерняя Москва» и так далее по подписному каталогу. Оговорюсь сразу, журналистов, приезжающих на дачную станцию «Мичуринец» к поэту, чаще интересует не он сам, не его творческое состояние или личная жизнь, а оценка поэтом того, что происходит за нашими окнами, проще говоря, его мнение о нашей теперешней жизни.

А феномен, по имени Булат Окуджавы, явный: незабываемого и ранее поэта сейчас сама жизнь востребовала с новой силой, с определенностью желания представить нам его облик как некий духовный императив, выражаясь, быть может, чуть сложно.

Феномен еще и в том, что его поэзия (даже совсем ранние) и сегодня, через тридцать с лишним лет, звучат так, будто написаны накануне, вечером. Всюминало песню про иррегулярного солдата: «И там сгорел он ни за грош: ведь был солдат бумажный». А задумывались, почему солдатик не андерсоновский, оловянный — бумажный? Ведь не просто же, у поэтов всегда так — не бездумно. Не знаю, что автор хотел сказать, сделав своего рыцаря бумажным, только через тридцать лет пророчество его, к сожалению, сбылось: шагнул три московских мальчика навстречу БТРа в конце августа 91-го. Огня! Огня!

Он же сам легкомысленно называет свои песни «пенсенками». Не мудрствуя лукаво, мол, сложил стих, услышал в нем мелодию и спел. Сначала в одной кухне, потом в другой (это примерно его слова). И очень удивился, когда незнакомый хозяин дома сунул однаж-

реальным сроком что-то может и не совпадать. Говорю же с известной долей образности, конечно. Потому что Булат Окуджавы с первых же его строк на белом листе бумаги и до сих пор отстаивает одно очень важное требование, без которого свобода — лишь пустой звук: право личности жить своей собственной жизнью. Его песни, стихи, повесть «Будь здоров, школяр!» тогда утверждали совсем другую иерархию общественных ценностей, нежели требовала официальная идеология. В его стихах была вера в честь, достоинство, не побоюсь сказать, божественность человека. То, что система неизменно нивелировала, искореняла, изгоняла подчас фашистскими методами. Но, пожалуй, и это не ново в оценке его поэзии и прозы. Скажу лишь, что счастливо, как бы сама собой найденная форма борьбы за веру в человека — поначалу «песенки», удивительно гармоничные городской среде — ничего такого из «борьбы» не несли. Все это получалось опять как бы само собой. И неудивительно, что сразу после «Ленки Королева» поэта вызвали в горком партии. Рассказывая об этом первом своем визите в идеологическую цитадель, он добавляет: «Да и фамилия моя как-то раздражала их. То ли женская, то ли мужская, не поймешь». Пожурли его ласково: почему же это «некому оплакать» жизнь Ленки, почему это он был один? А комсомол?

Тогда он написал песню про дураков, и его снова вызвали туда же и посоветовали песню «про дураков» не исполнять. «Ведь у вас же, товарищ Окуджавы, есть прекрасная песня про Ленку Королеву, вот и пойте ее». Мы-то, газетчики, проходили эти идеологические уроки каждый день. И я все жду (и от себя тоже), что кто-нибудь из «наших» расскажет об этой партийной выучке с постоянным предательством перед людьми и жизнью. Конечно, то будет покаяние, но и большой анекдот тоже, вроде окуджавских.

Вера, Москва, 1994. — 5 мая. — с. 3

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ, БУЛАТ или Феномен по имени Окуджавы

ды в карман его пальто трешку, которая ему пришлась кстати. Говорит, его песни — это, мол, просто городской романс, живущий в России от века, и вовсе популярности у него не было. Так, немногочисленные почитатели. «У Высоцкого — это да, была популярность», — вспоминает. Рассказывает, как после спектакля на Таганке, где был занят Владимир Семенович, пошел за такси (о, баснословные годы). Подошел к группе водителей, а его никто не узнал. Сказал: машина нужна Высоцкому. «Что началось», — продолжает, — наперебой предлагали машины. Лукавит? Нет. Я верю в это его собственное мнение о себе.

Вот не очень жаловал в душе А. Крылова, но отказываться в просьбе принять его не мог. А потом это интервью в «Подмосковных известиях» стало стартовым для провокации в Минске (см. «ВМ» от 25 января). Не мог совсем еще недавно не остановить машину возле «голосующего» на Минск шоссе и не подвезти до Москвы. «А сейчас», — говорит, — боюсь. Не сказал бы этого Булат Шалвович — не был бы он Булатом Окуджавой.

Из интервью:
— Вы хорошо помните свое детство?

Б. О. — Да. Помню, например, что очень хотел стать «блатным». Ну, были такие парни в каждом дворе — с металлической фиксой во рту, сапоги гармошкой, кепочка или челочка на глаза.

Но блатным я не стал...

... Над стихами и песнями Булата Шалвовича через тридцать лет задумываются чаще, чем в 60-е. Поэт говорит: «Еду по эскалатору, в метро. Вдруг какой-то человек быстро так настигает меня и спрашивает: «Вы Окуджавы? Скажите, почему «Не убирайте ладони со лба»? И побегал дальше, так и не услышав ответа от оторопевшего поэта.

Из интервью:
— Вам сегодня не страшно?

Б. О. — Горько. За людей, за обстоятельства. За людей, которые руководят. Хотя я представляю, как им трудно...

Покойник Игорь Табашников (зам. главного редактора «Вечернего клуба») в свое время работал в Челябинском педагогическом институте — вел там свободный факультатив, посвященный творчеству Булата Окуджавы. И рассказывал, что часто студенты просили растолковать многие окуджавские строчки. А он, Игорь Николаевич, до сих пор не понимает (рука не поднимается написать «не понимаю») этой их оторопи. «У Пастернака — да, закручено, часто с трудом понимаешь, о чем, а тут: «Ну должен хотя бы кто-нибудь все время смотреть вперед!» А спрашивали: что это значит?

Я бы не сводила эти вопросы к низкому интеллекту их задававших. В настоящей поэзии всегда живет тайна. А Булат Шалвович, пропев свои стихи, не только не лишил их этой тайны, но и еще как умелый художник расцвятил их мелодией неповторимой своей. Он растиражировал свою тайну, захватив в круг ее внимания и любви тысячи людей, многие из которых привыкли к тому, что в песне все должно быть понятным, четким, ясным. Ну, утро красит нежным светом и так далее — наши прекрасные советские песни, без всякой иронии, между прочим. Мы их и поем вместе с окуджавскими в своих застольях.

Из интервью:
— Вы — верующий человек?

Б. О. — Нет. Но я с уважением отношусь к истинно верующим людям.

Все эти особенности высокой поэзии Булата Окуджавы связаны еще с одним важным обстоятельством его личности. Недавно кто-то счастливо догадался, сделал свою мысль своеобразным каламбуром: «Первым невыездым в России был Пушкин». А я уверенно скажу — отнюдь не каламбурно — первым диссидентом в России был Булат Окуджавы. Но не высчитывайте, пожалуйста, даты жизни и смерти генерала Григоренко или год выхода «Одного дня Ивана Денисовича». По

С семьей в лесу. 1982 год.

му-/. Но этот вопрос давно уже решился в нашу пользу.

Из интервью:
— Ваше отношение к смертной казни.

Б. О. — Да, я член комиссии по помилованию при президенте. Все мы против смертной казни. Комиссии удалось добиться утверждения закона о пожизненном заключении. Единственными мы были только в случае с Чикатило — смерть.

Очень смешной, если не глупой, представляется сейчас газетная дискуссия о шестидесятилетии годичной давности. Она чем-то напоминает древнюю — нужна ли ветка сирени в космосе? Дурили молодежь вместо того, чтобы подумать о населении северного Казахстана, где расположен полигон для ядерных взрывов. Так вот теперь дискуссия про них, шестидесятников (но, кажется, уже отшумела).

Из интервью:
— Ваш совет молодым писателям.

Б. О. — Я не могу давать советов. Одаренность — это от Бога. Одаренным могут быть не только поэт, писатель, но и токарь, литейщик...

Особенно резко насканивал на них Галковский. В «Независимой газете» аж целую полосу исписал совсем неудобоваримым текстом. Общий смысл дискуссии, вернее нападок на шестидесятников (они отвечали не столь воинственно), таков: они ничего не сделали для наших баррикад в августе 91-го. Но вот каков все-таки интересная планида у Булата Шалвовича: из всех известных в 60-е имен, хотя бы только поэтических, ему досталось больше всего. А уж пыльные шлемы комиссаров так истребляли, будто, кроме этого, он ничего и не написал. А ведь прекрасно как: «И комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Еще будем петь и петь, как и «Комсомольскую боину».

Из интервью:
Б. О. — Мы должны уважать талантливых людей — артистов, ученых. А мы не умеем этого.

— Как должно это уважение проявляться?

Б. О. — прежде всего об интеллигенции надо говорить хорошо — высоко. Не изгаляться над ней, не тритировать известные имена. А сейчас, как и раньше, в воображении многих она так... прослечка.

Но самое главное, те, кто нападал на шестидесятников за то, что, образно говоря, не отстреливали коммунистов, ничего, буквально ничего ни в литературе, ни в жизни не сделали. А «они» не только сделали — целое поколение выросло на их идеалах любви, верности, сострадания, дружбы — но и продолжают делать, имею в виду сейчас главным образом Булата Шалвовича. Его новый автобиографический роман в «Знамени» «Упраздненный театр» всеми прочтется с огромным интересом. И почему-то ни один газетчик не пришел к господину Галковскому и не спросил: «Как ты себя чувствовал, сэр, когда раздался первый залп по Белому дому?»

Чего же смешить читателя, который обязательно захочет узнать, кто же такой Галковский? И очень удивится, узнав, что он — автор единственного романа, про который никто и не слыхал.

А Булат Шалвович, помню, им нынешним, притким тогда и сказал только: «Не возвышайте свой сладкий гнев над историей». Потому что историю делают люди. А он, Булат Окуджавы, семидесятилетие которого мы будем отмечать 9 мая, пред нами, временем, страшной чист как пред Богом. Он сделал в полную силу своего таланта и делает все, что ему было отпущено. И спасибо ему за это. За то, что был, есть и будет.

Татьяна ГЛИНКА.

дискографии о людях никогда не начинается без любимого нами баритона: «Судьба, судьба, судьба, судьба, о судьбе». Вот написала эту строчку, прочитала — ну что в ней особенного? Одно избитое при том слово в падежном склонении. Утонченные супруги Никитины и не такое — вкусную «мучмалу» — склоняют, а вот на музыкальную рубрику к рассказам о людях не тянет.

Из интервью:
Б. О. — Главная черта России — неприхотливость. Но часто от незнания путают неприхотливость и терпеливость. Терпеливость — хорошая черта. Терпеливый человек знает, что хорошо, что плохо. А неприхотливость все приемлет.

Про «Возьмемся за руки, друзья» говорить даже не буду. Правда, при этих строчках морщится только поэт, у него они уже набили оскомину. Однажды он так и сказал: «Она (песня) мне уже осточертела». Но журналисты, не замечая браконьерского разворовывания окуджавских бриллиантов, иногда просто неприлично себя ведут.

Забываю, не надлисалась, из какой газеты снимок: супруги, пирон, предаются любви у памятника Пушкину. Как это назвать? Да уже ведь давно придумано! «На фоне Пушкина снимается семейство». Правда, птичка на этот раз не вылетела. Не та ситуация, не о том пел Булат Шалвович.

Из интервью:
— Какие черты характера человека вы особенно не приемлете?

Б. О. — Благополучие за счет других...

Примеров всеобщей любви к творчеству поэта, по моему, хватит. А о том, что Арбат «офонорел» или что «полночный троллейбус, мне дверь отвори», и не вспоминаю. Каждый день сами это проходим. Да и редкие выступления поэта в театре Райхельгауза (вот уж кому спасибо!) в комментариях не нуждаются. Билетов на всю Москву не хватает.

Однако, по моему, феномен Булата Окуджавы заключается в том, что он нужен нам сегодня так, как никто из живущих ныне поэтов. И для тех, кто в шестидесятых еще юными бегал на его выступления, и для наших детей, переписывающих его песни с пластинок на кассеты (вместо бабин). Потому что на всех пластинок Окуджавы не хватает в отличие от его поэзии и прозы как явлений культуры.

Но почему? Разве сам Булат Шалвович не сказал: «У поэта соперника нету. / Ни на улице, ни в судьбе. / И когда он кричит всему свету. / Это он не о вас, о себе».

Разве он неизменно одинаково не отвечает на вопрос, задаваемый ему всякий раз на вечерах, почему он не пишет новых песен: «Я сам себе со своими песнями надоели!» Ну насколько о нас не думает! Но Булат Шалвович не был бы Булатом Окуджавой, ответ он по-другому, то есть не искренне, не о том, что просто нежелание писать мешает ему прибавить к двумстам или тремстам более существующим песням еще десяток-другой.

Из интервью:
— Два года назад вы сказали, что не причисляете себя к интеллигенции...

Б. О. — Интеллигентом у нас всегда считался человек с высшим образованием, занимающийся умственным трудом. Ну, как принято говорить, «в очках и шляпе». И сейчас распространено выражение «интеллигентия и народ». Как будто интеллигентия это не народ. На самом деле интеллигент — это человек, способный сомневаться в своей правоте. Это человек с большой болью...

Да, он нужен нам. Потому и звучат его песни по радио, ТВ, потому и журналисты, пошарив в памяти в поисках заголовка к статье, тут же вспоминают его. Потому и едут к нему за интервью. Он нужен нам не только потому, что, по словам Александра Володина, «Научил интеллигенцию говорить хорошим русским языком» (вспоминается ахматовское «Я научила женщин говорить, но, Боже, что их замолчать заставит!»). Но еще и потому, что резко, явно кажется — вдруг — оказался той точкой опоры, которая в дни упадка нашего духа дает ощутимую силу. А мы обесцелены не физически — морально. Убийства, насилие, садизм, грабеж: это уже каждый день в больших дозах. И, ужасаясь, мы оглядываемся вокруг, задавая себе и другим один вопрос: «Разве так можно жить?» И ищем, ищем ту духовную опору, что может хоть как-то рассеять мрак, муть. И часто (думаю, у многих так происходит) наш внутренний взор останавливается не только на творчестве, но и нравственном облике Булата Шалвовича Окуджавы. В самом этом имени уже как бы сконцентрированы достоинство, честь, благородство, доброта. Мы знаем это и чувствуем. И, когда его машина застревает в дорожной пробке и шоферы от нетерпения оглядывают водителей в других машинах, узнают его и смотрят во все глаза, — то смотрят не как на кинозвезду — как на чудо, вдруг, неожиданно, появившееся: «Надо же, сам Окуджавы».

Вот почему, мне кажется, сегодня время, крутнувшись на тридцать с лишним лет (можно — градус), вновь остановилось на этом имени и его времени, стрелка, как на барометре, все стоит, чуть вздрагивая на этой отметке.

* Цитаты взяты из интервью Б. Окуджавы М. Кармановой, представительницы минского Альтернативного театра для фильма, который снимался о Б. Окуджаве в Минске 15–16 января. Фильм — собственность семьи поэта. И Булат Шалвович дал «ВМ» эксклюзивное право на частичную публикацию этого интервью.

Окуджавы Булат Шалвович

5.05.94.